

*Н.М. Ергина***Лишение избирательных прав в кампанию выборов в Советы 1928–1929 гг. в национальных регионах Поволжья (на примере сельских местностей Мордовии и Татарстана)***N.M. Ergina***Deprivation of Electoral Rights during the Election Campaign to the Soviets of 1928–1929 in the Povolzhje National Regions (on the Example of Rural Areas in Mordovia and Tatarstan)**

Статья посвящена особенностям проведения кампании по перевыборам Советов в 1928–1929 гг. Акцент делается на национальных регионах Поволжья, в частности сельских местностях Мордовии и Татарстана. Приводятся примеры массовых нарушений избирательного законодательства советского государства, определяются их причины. Представлены количественные данные о лишенных избирательных прав в целом по стране, а также отдельно по РСФСР, Мордовии и Татарстану.

Ключевые слова: избирательное законодательство, кампания по перевыборам Советов, избирательная кампания, лишение избирательных прав, лишенцы, кулачество, дискриминационная политика советского правительства, нарушения в сфере лишения избирательных прав.

Проблемы, связанные с поиском исторического опыта защиты прав человека и гражданина, становятся наиболее актуальными в настоящее время в связи с развитием демократических традиций в нашей стране.

Интерес к проблеме дискриминационной политики советского государства и как одного из ее направлений – лишения значительной части населения избирательных прав на современном этапе обусловлен процессом рассекречивания архивных документов, в недавнем прошлом закрытых для беспристрастного взгляда исследователей. В связи с этим большой объем материала, поднятый в процессе исследования указанной проблемы, носит архивное происхождение. Он был извлечен из ряда хранилищ документов, прежде всего Центрального государственного архива Республики Мордовия (ГУ «ЦГА РМ») и Национального архива Республики Татарстан (НАРТ). Кроме того, использовались законодательные акты изучаемого периода, принимаемые советским правительством, которые изданы в «Собрании узаконений и постановлений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР».

The article is dedicated to the details of conducting a campaign for re-election to the Soviets in 1928–1929. The emphasis is placed on the Povolzhje national regions, particularly on rural areas in Mordovia and Tatarstan. The author provides examples of numerous violations of electoral legislature in the Soviet State, determines the reasons. Quantity data about persons deprived of electoral rights throughout the country as well as separately in the Russian Soviet Federative Socialist Republic, Mordovia and Tatarstan are provided.

Key words: electoral legislature, campaign for re-election to the Soviets, election campaign, deprivation of electoral rights, nonvoters, kulaks, discriminatory politics of the Soviet government, violations as to the deprivation of electoral rights.

Лишение избирательных прав граждан государства советское правительство стало использовать уже с 1918 г. Необходимость данной меры указывалась в ст. 23 Конституции РСФСР, принятой V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г., в которой говорилось: «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, РСФСР лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции» [1, с. 8–9].

Основные категории граждан, лишаемые активного и пассивного избирательного права, также были зафиксированы в Основном Законе. Согласно ст. 65 Конституции РСФСР не имели права избирать и быть избранными в советы лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; живущие на нетрудовой доход; частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; монахи, служители церквей и религиозных культов; служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений; душевнобольные и умалишенные; осужденные по приговору суда [1, с. 18–19].

Положения Конституции РСФСР 1918 г., а затем и Конституции РСФСР 1925 г. детализировались в избирательных инструкциях, которые издавались ко всем избирательным кампаниям и реагировали практически на все социально-политические и экономические изменения, происходившие в государстве.

В первые годы советской власти в избирательных инструкциях мало внимания уделялось вопросу лишения избирательных прав. Как правило, категориям лишенцев давались лишь общие наименования: кулаки, помещики, контрреволюционеры, эксплуататорские элементы, мироеды и т.п. [2, с. 1].

Значительные изменения в отношении лишенцев внесла избирательная инструкция «О выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов», принятая Президиумом ВЦИК 13 октября 1925 г. к избирательной кампании 1925–1926 гг. В ней значительно сократился перечень тех, кто попадал под эту категорию. Так, избирательных прав не лишались крестьяне, кустари и ремесленники, применяющие наемный труд «одного взрослого работника или двух учеников», а также торговцы «в разнос» по патенту первого разряда, вспомогательный персонал церквей, для которых эта деятельность не была основной. Ослабление курса правительства не затронуло лишь категорию бывших полицейских, чиновников царского и контрреволюционных правительств. Впервые в избирательном законодательстве была легализована категория «члены семей лиц, лишенных избирательных прав». Не зачислялись в списки лишенцев лишь те, кто материально не зависел от лиц, лишенных избирательных прав за применение наемного труда, получение нетрудового дохода и ведение торговли.

Восстановление в избирательных правах стало возможным для лиц, ранее прибегавших к наемному труду, извлекавших нетрудовой доход, занимавшихся торговлей и промыслами, а также бывших служителей религиозного культа при условии, если они предъявляли документальные свидетельства о том, что «в настоящее время живут на средства, добываемые личным трудом, и не эксплуатируют чужого труда» [3].

Выборы в городские и сельские Советы в 1925–1926 гг. показали высокую активность населения при низкой доле отстраненных от участия в них, что вызвало настороженность у руководства страны. Ставка правительства на привлечение беспартийных крестьян в низовые звенья советской организации привела к тому, что в них заметно выросло число средних и зажиточных «элементов». В связи с этим сразу же после окончания выборов в правительстве встал вопрос по поводу чересчур либеральной избирательной инструкции, которая расширила, по сравнению с Конституцией РСФСР, круг лиц, пользующихся избирательным правом. К выборам 1926–1927 гг. была подготовлена новая инструкция «О выборах городских и сельских

Советов и о созыве съездов Советов», значительно отличавшаяся от предыдущих документов по избирательному праву. Была расширена глава, касающаяся лишения избирательных прав. Наиболее подробно комментировались пункты о применении наемного труда крестьянами, кустарями и ремесленниками. Согласно инструкции, крестьяне и ремесленники зачислялись в списки лишенцев за применение наемного труда, за исключением некоторых случаев (для крестьян – «болезнь, мобилизация, уход на трудовые сезонные заработки, избрание на общественную должность, требующую отрыва от хозяйства, и т.п.»; для кустарей и ремесленников – условия производства). Избирательных прав также лишались все частные торговцы (независимо от разряда избранного патента). Исключение было лишь для мелких торговцев – инвалидов труда и войны, торгующих по бесплатным патентам Наркомата социального обеспечения, безработных рабочих и служащих (состоящих на учете бюро труда), а также торгующих по патенту первого разряда, если «это занятие является для них временным» (на какой конкретно срок может продлеваться «временное занятие», не уточнялось). К лишенцам причислялись также все служители религиозного культа, независимо от того, получали ли они за исполнение своих обязанностей вознаграждение.

Претерпел изменения и перечень бывших чиновников, которые лишались прав по ст. 69 п. «д» Конституции РСФСР 1925 г. (служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома). В число лишенцев были включены бывшие белые офицеры и военные чиновники белых армий, руководители контрреволюционных банд. Исключение составили те из бывших офицеров и военных чиновников белых армий, которые впоследствии вступили в ряды Красной армии и Красного флота и принимали активное участие в вооруженной защите советских республик [4, с. 3–8].

Итоги выборной кампании 1926–1927 гг., в отличие от предыдущей, в целом удовлетворили руководство государства. Оно отмечало увеличение заинтересованности избирателей при проведении выборов. Значительно возросло количество лишенцев (с 1040 тыс. чел. в кампанию 1925–1926 гг. до 3038 тыс. чел.) [5, с. 65].

Выборы 1928–1929 гг. по всей стране проводились под лозунгом усиления борьбы с кулачеством и эксплуататорскими элементами. В то же время новые законодательные акты к этим выборам союзное и республиканское руководство издавать не стало. Были просто переизданы избирательные инструкции 1926 г. С учетом вопросов, возникавших на местах в предыдущую избирательную кампанию, они снабжались подробными дополнениями и разъяснениями, расширяющими круг лиц, лишенных избирательных

прав, главным образом за счет владельцев зажиточных хозяйств [6, л. 7].

В избирательную кампанию 1928–1929 гг. руководители советского государства немаловажное значение придавали особенностям национальных республик и областей. Всероссийская центральная избирательная комиссия в своих напутствиях низовым организациям отмечала, в частности, такие особенности условий национальных регионов, как то, что во многих республиках и областях «оставались пережитки докапиталистических отношений, выражавшиеся в значительном влиянии общественной верхушки среди широких масс населения» [7, с. 87]. Кроме того, указывалось на общую отсталость бедняцко-средняцких крестьянских масс и недостаточное привлечение их представителей к общественной работе, низкий процент представителей пролетариата, и все это при большой активности кулацкой верхушки деревни и «чуждой по идеологии» интеллигенции. Негативный вклад в развитие национальных регионов вносило отсутствие необходимого количества подготовленных советских работников, слабость работы низовых советов. Трудности при проведении выборов заключались в отходе мужской части населения зимой на промыслы, отсутствии приспособленных помещений под многолюдные собрания и др.

Местным властям предписывалось обратить более серьезное внимание на подбор состава избирательных комиссий, чтобы не повторились случаи выборной кампании 1926–1927 гг., когда большое количество негативных моментов было связано с составлением списков избирателей и лиц, лишенных избирательных прав (неполный учет лишенцев, отказ избирательных комиссий принимать жалобы крестьян, составление списков лиц, лишенных избирательных прав позже указанного инструкцией срока, и др.).

По данным отчетов о ходе избирательных кампаний, наибольшей организованностью и активностью отличались зажиточные крестьяне при составлении списков лиц, лишенных избирательных прав. Впрочем, это не удивительно, поскольку они действовали в своих интересах. Эта активность выражалась в попытках привлечения крестьянства, отдельных представителей власти и деревенской интеллигенции на свою сторону и восстановлении их против советских и общественных организаций, запугивании бедноты, хулиганских выходках на собраниях избирателей и др. [7, с. 88]. В связи с этим центральная власть рекомендовала избирательным комиссиям особо серьезное внимание уделить составлению списков лиц, лишенных избирательных прав. «Исполкомы, сельсоветы и избирательные комиссии должны принять действенные меры, обеспечивающие полное устранение от выборов лиц, предусмотренных ст.ст. 14 и 15 инструкции по перевыборам в Советы», – говорилось в циркуляре ВЦИК [8, л. 38].

Руководство Мордовского округа среди основных задач избирательной кампании ставило перед сельскими и городскими советами «повышение активности рабочих, батраков и беднейшего крестьянства, укрепление их союза с середняком, направленного на полнейшую изоляцию кулачества, нэпманов и других антисоветских элементов... обеспечение правильного составления списков лишенцев с безусловной изоляцией от участия в перевыборах эксплуататорских и других антисоветских элементов, не допуская искажения и перегибов по отношению к середнякам» [9, с. 5].

Местные советы и избиркомы стремились выполнить указания вышестоящей власти, однако избирательное законодательство нередко нарушали, чему способствовали неясность и запутанность ряда формулировок инструкций.

Сводки о ходе перевыборной кампании по Мордовскому округу пестрели описаниями нарушений советского законодательства в отношении лишения избирательных прав. Например, в с. Болдове Рузаевского района из 165 лишенцев 40 оказались включены в списки незаконно [10, л. 261]. В этом же районе была лишена прав учительница за то, что в прошлом была женой священника. Кроме того, в списках лишенцев числилось 65 бывших стражников, которых при фактической проверке не оказалось [11, л. 338]. В Беднодемьяновском районе в списки лишенцев включили членов семей низших служащих полиции. В с. Монастырское Саранского района был лишен избирательных прав комсомолец как сын псаломщика, хотя он жил независимо от отца [10, л. 211].

Несмотря на то, что согласно циркуляру ВЦИК от 13 марта 1929 г. к лицам, лишенным избирательных прав и возбуждавшим ходатайства о восстановлении, было запрещено применение каких-либо других ограничений в правах, кроме ограничения права избирать и быть избранными в Советы, в ряде районов Мордовского округа, отмечались случаи снятия с работы служащих по мотивам лишения их избирательных прав [12, л. 209]. Нередко «ответственные работники» райисполкомов даже «не хотели разговаривать с «мордвами» и объясняться с ними» в вопросах перевыборов, как это было, например, в Ардатовском районе [13, л. 18].

В погоне за выполнением наказов о лишении избирательных прав «всех эксплуататоров» руководители на местах не всегда учитывали производственную необходимость в людских кадрах. Так, например, участились случаи лишения местными избиркомми избирательных прав работников просвещения. Многие из них имели к тому времени значительный стаж работы в школах и «общественные заслуги в период советского строительства, активно участвуя и в проведении избирательных кампаний». Ходатайства об их восстановлении часто решались положительно,

однако решения по таким делам, впрочем, как и по другим, продвигались медленно. В результате отмечалось «упадочное настроение и ложное положение работников, подрыв их авторитета, а местами и снятие с работы, иногда даже поспешное, т.е. без замены работника равноценным педагогом-общественником». Это вело к «снижению производственной и общественной работы просвещенца, если он оставался на производстве, а в случае снятия тормозило работу просветительских учреждений, главным образом школ, особенно в районах, т.к. там не было достаточно запасных работников соответствующей квалификации для немедленного замещения лишенца» [14, л. 1–1об.].

В то же время наблюдались случаи укрывательства лиц, подлежащих в соответствии с инструкцией лишению прав. Например, в с. Маклово Чамзинского района не был лишен прав «торговец, занимающийся скупкой и перепродажей разного товара», более того, он был избран председателем сельского Совета. В этом же селе один торговец, подлежащий внесению в списки лишенцев, был избран народным заседателем [10, л. 211–212]. В с. Атемар Саранского района были случаи восстановления в избирательных правах жен торговцев, живших на иждивении своих мужей, и бывших белых офицеров [10, л. 211]. В этом же селе не был лишен избирательных прав бывший монах. Более того, он состоял председателем Атемарского сельского крестьянского комитета общественной взаимопомощи и членом правления Атемарского общества потребителей [15, л. 197]. В Ельниковском районе не были внесены в списки избирателей 146 монахинь [13, л. 70]. В Талызинском районе не был лишен прав псаломщик «по причине бедности» [10, л. 261].

В Татарии также не обошлось без нарушений избирательного законодательства. Так, например, в Буйском кантоне лишили избирательных прав большое количество учителей «по формальным признакам» [16, л. 53 об.], в Набережно-Челнинском кантоне учителя внесли в список лишенцев за то, что он не учил петь детей революционные песни, квалифицируя это отсутствием лояльности к советской власти [16, л. 247], в Мензелинском кантоне и Нурлатском районе включили в списки лишенцев детей в возрасте от 1 до 16 лет, в Чистопольском кантоне лишили прав арендатора мельницы, работавшего на ней без использования наемного труда. В Тетюшской волости, напротив, восстановили в избирательных правах 200 чел., лишенных их как кулаков [16, л. 53об.].

Многие лишенные избирательных прав не хотели мириться со своим бесправным положением и пытались добиться исключения себя из списков лишенцев, причем их активность в этом вопросе увеличивалась по мере развития избирательной кампании. В ход шли всевозможные способы. Так, например, в ТАССР срывали списки лиц, лишенных избирательных прав,

вывешенные у сельсоветов [16, л. 54], уничтожали избирательные инструкции, подавали безосновательные жалобы на нарушения в проведении выборов [16, л. 87]. Были и более жесткие выступления. Например, житель Тукаевской волости Арского кантона, лишенный прав за торговлю, пришел в волисполком и, «стуча кулаком по столу», требовал предоставить ему право голоса [16, л. 54].

Случаи сознательного отказа членов избирательных комиссий включать в списки лишенцев односельчан, подходящих под соответствующие пункты избирательной инструкции, нередко были связаны со страхом, что «впоследствии за это кулаки не дадут житья» [15, л. 197]. В принципе это было недалеко от истины. В сводках о проведении избирательной кампании в Мордовском округе отмечались случаи, когда лишенцы вступали в открытую борьбу с представителями местной власти (убийство комсомольца в с. Рыбкино Рыбкинского района, попытка избияния уполномоченных в с. Зубова Поляна и т.п.) [17, л. 59]. В Кривозерской волости ТАССР кулаки избили членов сельского избиркома за то, что их внесли в список лишенцев [16, л. 87].

Основным способом возврата себе статуса полноправного гражданина была подача соответствующего заявления в избирательную комиссию. Именно в избирательную кампанию 1928–1929 гг. отмечалось наибольшее количество жалоб на неправильное лишение избирательных прав. Однако районные избиркомы не торопились рассматривать их. Например, в Рузаевском районе Мордовского округа вместо положенных трех дней жалобы рассматривались в течение пяти (52 случая), десяти (68 случаев) и двадцати дней (три случая) [13, л. 70]. Это, конечно же, сокращало время лишенцу для возможности восстановления в избирательных правах в текущую избирательную кампанию.

Кроме того, в сельских и районных избирательных комиссиях была большая путаница со сведениями о лишенцах. Мордовский окружной исполком по нескольку раз возвращал соответствующие документы в местные избиркомы для уточнения данных. Так, Темниковский районный избирком 4 раза подавал сведения о лишенцах, при этом все они были различными, Атяшевский и Козловский исполкомы – их по два раза. В то же время Талызинский районный избирком, несмотря на пять телеграфных и письменных запросов окружного избиркома по сведениям на 10 февраля 1929 г., так ни разу и не предоставил требуемые материалы [10, л. 285].

В Мордовском округе в течение данной избирательной кампании в избиркомы поступило 1597 жалоб на лишение избирательных прав. После их рассмотрения 435 жалоб (27,2%) было удовлетворено, 1088 заявителей (68,1%) получили отказ в восстановлении их в избирательных правах. Остальные дела с заявлениями и другими материалами лишенцев были

возвращены в местные избирательные комиссии для уточнения сведений [10, л. 337].

В Татарском ЦИК также отмечали массовое поступление жалоб лиц, лишенных избирательных прав. Лишь в Центральный избирком ТАССР в избирательную кампанию 1928–1929 гг. поступило 12436 жалоб и ходатайств. В результате рассмотрения 10896 заявлений 4588 человек (42,1%) были восстановлены в избирательных правах, исключены из списков лишенцев как ошибочно включенные 54 человека (0,5%). Отказ в восстановлении получили 5499 чел. (50,5%). На остальных 755 чел. (6%) был затребован дополнительный материал у местных избиркомов [18, л. 103]. Среди заявителей наибольшее число, так же, как и в Мордовском округе, составляли торговцы и граждане, лишенные прав за использование наемного труда [16, л. 74].

Все же в целом выборами 1928–1929 гг. руководство страны осталось довольно, о чем, в частности, говорилось 12 мая 1929 г. на Президиуме ЦИК. В докладе А. Киселева, председателя Всероссийского центрального избиркома, в качестве положительного момента отмечалось более тщательное выявление лишенцев, что вызвало рост их численности.

Всего в СССР количество лишенцев возросло на 700 тыс. чел. В итоге по стране было лишено избирательных прав 3716 тыс. чел. (4,9% взрослого населения). В сельской местности число лишенцев составило 4,1%. Среди сельских лишенцев более всего оказалось иждивенцев – членов семей лишенных избирательных прав (47%). Далее следовали частные торговцы и коммерческие посредники (15,3%), а также лица, применяющие в своем хозяйстве наемный труд [19, с. 36–37].

В РСФСР было лишено избирательных прав 2433390 чел., или 4,5% взрослого населения. При этом численность лишенцев в сельской местности составила 1706025 чел. (3,9%) против 1390747 чел. (3,3%) в избирательную кампанию 1926–1927 гг. Процент лишенцев увеличился практически повсеместно [20, с. 12]. Среди сельских жителей на первом месте оказались иждивенцы – члены семей граждан, лишенных избирательных прав согласно Конституции и требованиям избирательных инструкций (49,1%). Далее следовали торговцы и коммерческие посредники (15,4%), лица, применяющие в своем хозяйстве наемный труд (10,5%), служители религиозного культа (8,9%), бывшие служащие полиции и жандармерии (6,2%) и лица, живущие на нетрудовой доход (4,7%). Менее всего среди лишенцев было осужденных судом (2,9%) и умалишенных (2,3%) [20, л. 13].

В сельской местности Мордовского округа на 1 января 1929 г. было лишено избирательных прав 25735 чел. (4,0% от всего взрослого населения), что на 1047 чел. больше показателя выборов 1926–1927 гг. Наибольшее число лишенных прав, как

и в целом по стране, составили члены семей лишенцев (12891 чел., или 50,1%), и частные торговцы (5575 чел., или 21,7%). Далее следовали служители религиозного культа – 2419 чел. (9,4%), служащие и агенты бывшей полиции (1385 чел., или 5,4%), живущие на нетрудовой доход (1006 чел., или 3,9%), лица, прибегающие к наемному труду (895 чел., или 3,5%), осужденные судом (817 чел., или 3,2%) и умалишенные (747 чел., или 3,0%) [10, л. 163].

Однако эти цифры не удовлетворили руководство Мордовского округа. В циркуляре Мордовского окружкома райисполкомам, районным и городским избиркомам от 4 января 1929 г. говорилось, что представленные сведения о числе лишенцев «в корне противоречат той политической линии, которая взята в текущую избирательную кампанию» [10, л. 137]. Далее в документе указывалось на необходимость детальной проверки списков лишенцев. Ответственность за эту работу возлагалась непосредственно на председателей районных исполкомов и избиркомов. Об этом же ставила вопрос прокуратура Средне-Волжской области, которая требовала «увеличить показатели» по лишенцам [12, л. 53].

В 20 районах Мордовского округа из-за нарушения норм Конституции РСФСР и избирательной инструкции были полностью отменены выборы в 68 сельсоветах и в 17 – частично по избирательным участкам. Из-за признания основательными жалоб на незаконные действия органов, руководивших выборами, выборы были полностью отменены в 6 и частично в 98 сельсоветах. В итоге выборы полностью были отменены в 74 сельсоветах, что составляло 10,7% к их общему числу и частично – в 19 (2,7%) [11, л. 397].

По всем районам округа была проведена кампания по «проверке и уточнению данных о числе лиц, лишенных избирательных прав» [12, л. 76–77]. После проведенной работы в списки лишенцев были добавлены 1521 чел. По новым данным иждивенцев, лишенных избирательных прав, было 12997 чел. (47,7%), частных торговцев – 6510 (23,9%), служителей религиозного культа – 2674 (9,8%), служащих и агентов бывшей полиции – 1396 (5,1%), живущих на нетрудовой доход – 1146 (4,2%), прибегающих к наемному труду – 1044 (3,8%), умалишенных – 772 (2,8%), осужденных судом – 717 (2,6%). В итоге общее число лишенных избирательных прав в избирательную кампанию 1928–1929 гг. было увеличено до 27256 человек и составило 4,3% [20, с. 80].

В Татарской АССР в результате выборов число лишенных избирательных прав в сельской местности составило 59201 чел. (4,8%), что на 2638 чел. больше, чем в избирательную кампанию 1926–1927 гг. Наибольшее число лишенцев составили иждивенцы – члены семей лишенцев (32926 чел., или 55,6%), частные торговцы (10813 чел., или 18,3%) и служители религиозного культа (6890 чел., или 11,6%). Количество

представителей остальных категорий следующее: бывшие полицейские служащие – 2647 чел. (4,5%), лица, прибегающие к наемному труду, – 2485 (4,2%), живущие на нетрудовой доход – 1574 (2,7%), умалишенные – 962 (1,6%), осужденные судом – 904 чел. (1,5%) [20, с. 84].

В целом можно утверждать, что лишение избирательных прав по принципу происхождения

и социальной принадлежности было одним из главных инструментов, применявшихся советской властью для изменения общественной структуры в годы проведения политики «ликвидации кулачества как класса». Избирательная кампания 1928–1929 гг. продемонстрировала явное стремление советского правительства и местных властей к увеличению числа лиц, ущемленных в правах.

Библиографический список

1. Конституция РСФСР от 10 июня 1918 г. – М., 1920.
2. Инструкция о порядке перевыборов волостных и сельских Советов депутатов. Утв. Президиумом ВЦИК 2 дек. 1918 г. – М., 1918.
3. Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов. Утв. Президиумом ВЦИК 13 окт. 1925 г. // СУ РСФСР. – 1925. – №79. – Ст. 603.
4. Инструкция о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов. Утв. Президиумом ВЦИК 4 нояб. 1926 г. – Пенза, 1926.
5. Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах западного региона РСФСР) : дис. ... канд. ист. наук. – Смоленск, 2003.
6. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). – Ф. Р–323. – Оп. 1. – Д. 27.
7. Досов А. Избирательная кампания в национальных республиках и областях // Выборы в Советы и наши задачи : сб. ст. и материалов к избират. кампании 1928–29 гг. – М., 1928.
8. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). – Ф. Р–2. – Оп. 4. – Д. 227.
9. Задачи и план проведения кампании перевыборов сельских и городских Советов и районных исполкомов по Мордовскому округу в 1929–28 году / Мордовская окружная избирательная комиссия. – Саранск, 1928.
10. ЦГА РМ. – Ф. Р–149. – Оп. 2. – Д. 39.
11. ЦГА РМ. – Ф. Р–149. – Оп. 1. – Д. 80.
12. ЦГА РМ. – Ф. Р–165. – Оп. 1. – Д. 30.
13. ЦГА РМ. – Ф. Р–323. – Оп. 1. – Д. 26.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 1235. – Оп. 141. – Д. 195.
15. ЦГА РМ. – Ф. Р–165. – Оп. 1. – Д. 35.
16. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). – Ф. Р–732. – Оп. 1. – Д. 1225.
17. ЦГА РМ. – Ф. 87–П. – Оп. 1. – Д. 25.
18. НА РТ. – Ф. Р–732. – Оп. 1. – Д. 1438.
19. Выборы в Советы и состав органов власти в СССР. – М., 1931.
20. Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 году. – Вып. 1. Выборы в сельские, волостные и районные органы власти : стат. сб. – М., 1930.